

Ярослав Гавриленко

16+

СТРАННЫЙ ВОКЗАЛ

приключение

Ярослав Гавриленко

Странный вокзал

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гавриленко Я. Н.

Странный вокзал / Я. Н. Гавриленко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Иногда в нашей жизни самые привычные человеческие фантазии могут стать очень необычной реальностью. Именно такая удивительная и незабываемая история случилась с главным персонажем этой книги.

О том, что наши мечты и желания могут сбываться знают очень многие. Мы часто даже не догадываемся, когда именно это может произойти, в какой момент нашей жизни, в каком месте, и что немало важно, как именно это будет.

В детстве, я много и часто фантазировал, мечтал, загадывал желания и обязательно чего-то хотел. Часто даже не задумывался о том, что именно на самом деле я хотел.

Как позже оказалось, все желание – это очень тонкая, деликатная, конкретная и очень хрупкая штука. С ними, с этими желаниями следует обращаться крайне осторожно и быть готовым ко всему. Это словно невидимый инструмент, открывающий еще неизвестные и невидимые нам двери в некоторые события нашего будущего. Стоит только не правильно повернуть этот невидимый ключик, или подобрать не тот ключик и все пошло не так, как хотелось бы. И никто не знает точно, когда этому всему, загаданному нами придет свой черёд. Но мой жизненный опыт показывает, что многое, если не все в моей жизни происходит именно от желаний, задуманных мною в далёком или не далёком прошлом.

Как далеко можно зайти, просто загадывая желания? Что или кого можно встретить на этом невидимом пути?

Итак, эта удивительная и незабываемая история произошла со мной всего несколько лет назад.

Однажды, поздней осенью я приехал на один старый железнодорожный вокзал. Мне нужен был один билет в другой город на электричку, на завтра, всего один билетик.

На завтра у меня была запланирована рабочая командировка в город, в котором я не был ни разу, но много слышал о нём.

Осенний вечер. На улице в такое время уже темно и зябко. Я, находясь ещё в бодром, ещё в приподнятом настроении после рабочего дня, выхожу из старенького трамвайчика в вечернюю прохладу. Из ближайшего сквера доносится запах опавших и сгоревших листьев. Кроме меня на этой остановке больше никто не вышел. Как-то странно, обычно люди выходят или заходят в таких общественных местах. Тут никто не вышел, хотя в этом стареньком и обшарпанном вагончике было человек десять. Двери вагона закрылись, трамвай, урча колесами, с шумом поехал дальше по своему традиционному маршруту. Куда же он еще поедет? Только по рельсам. Рельсы уходили в туман.

Это место, куда я приехал люди называют рабочая слободка. Я перехожу дорогу с трамвайными рельсами, ступаю ногами на серебристо-серую бровку и на минутку замираю как вкопанный. Замер я от увиденного мною здания – это же готовая, типичная декорация к средневековому фильму.

Я вижу вокзал, вернее то, что в этой местности люди называют вокзалом. Передо мной стоит высокое, круглое, старое сооружение еще до военной постройки. На его толстых, массивных стенах терракотового цвета несколько узких, как бойниц, окон с грязными, тёмными, треснувшими стеклами в старых рамах. Стены этого здания были в небольших трещинках, и местами с обвалившейся штукатуркой и выбитыми кирпичиками. На самих стенах не было ни труб, ни надписей, ни приклеенных объявлений, ничего. О том, что это именно вокзал говорили и большие металлические крашенные зеленой краской буквы «ВОКЗАЛ», и большие круглые часы, в сухих ветках дикого винограда на фасаде, как это традиционно принято на других вокзалах. Но часы на стене стоят. Они сейчас показывают полночь, хотя мои показывают 19:50. Интересно, как давно они остановились и от чего питаются?

– Может быть, тут стоят не только часы, но и время, – мельком подумал я. Как позже выяснилось, совсем не случайно.

А крыша этого сооружения, по своей форме больше напоминает старинный, церковный, полукруглый купол, только без креста, позолоты и колоколов на самом верху.

Вот он какой – этот вокзал. Раньше я никогда здесь не бывал. Только очень редко и очень давно проезжал мимо, но никогда так особо не всматривался в архитектурные особенности этого удивительно и несколько жуткого одинокого строения. Теперь я стою так близко, что вижу все его детали и все мелочи. Эта старая постройка, своим видом навевает на меня странные мысли и на ум приходят непонятные ассоциации и знакомые, но давно забытые чувства. На дворе уже двадцать первый век, а тут стоит нечто унылое, скорее напоминающее мрачное средневековье. От вида такого дома, мне казалось, что стало еще холоднее. Голые, корявые, словно паучьи лапки ветки близ растущих деревьев на фоне огромной желтой Луны только усиливали это мое впечатление о мрачном средневековье.

На небе стали появляться звезды. Не рано ли?

Рядом с лестницей, ведущей к входу, стоит, словно немой сторож высокий и толстый фонарный столб. Его очень давно не красили. Он весь проржавел и кажется, прикоснись к нему, и он тут же рассыпается на мелкие-мелкие острые кусочки ржавчины. Тусклый, желтый свет от его лампы, вяло освещает только одно место, это место под самим столбом.

Сейчас вокруг никого, ни одного человека, очень странно. А где же люди? Ведь на вокзалах, как правило, всегда, в любую погоду и в любое время суток много людей. Люди уезжают, приезжают, ждут кого-то, встречаются, берут билеты в предварительных кассах. Бородатые носильщики в комбинезонах возят тележки с чемоданами, мешками и сумками. А некоторые грузчики с удовольствием деток катают, своих или какой-нибудь приезжей многодетной мамаше, желающей насладиться красотами и прелестями большого города, а заодно поправить свое материальное или даже социальное положение, если повезет. Иногда даже можно встретить шумных и подозрительных цыган в цветных одеждах, просящих деньги или предлагающих узнать судьбу за умеренную плату. А тут – никого, ни души, безлюдно и пусто. Только осенний ветерок жадно срывает оставшиеся листья и напоминает, что скоро станет еще холоднее. Скоро зима, станет холодно и снегом засыплет и голые ветки, и кустарники и даже эти старые рельсы.

Поднимаюсь по старым, разбитым ступеням. Над самым входом, на высоте пяти-шести метров от земли, как-то все еще уверенно и неоправданно гордо, высится кованый серп и молот, а сверху прямо над ними красуется большая пятиугольная звезда. Вся эта массивная композиция надежно закреплена в четырех местах толстыми болтами и просто так легко её не вырвешь. С трудом открываю большие, массивные, скрипучие двери. Сверху на дверях старая паутина. Её много, она словно старое, волокнистое бабушкино одеяло, которое удерживало две деревянные половинки своими густыми спутанными волокнами. Паутина не падает, а работает, словно механизм или такая себе пружина, удерживая дверь и помогая ей зарываться. Мне вдруг показалось, что к этой двери не касалась рука человека много-много лет. Толстая, длинная, медная ручка не блестела!

Переступив порог, остановился у самого входа. Вижу внутри полумрак, словно в первобытной пещере. Я почувствовал странный, но знакомый запах. Это был запах далекого прошлого, я вспомнил его. Так пахло в парадных старых дореволюционных домов в то далекое время, двадцать, тридцать лет назад. Когда я был школьником я жил в одном из таких домов. Мы часто прятались по таким парадным и подвалам, играя в прятки.

Стоя у входа, я пристально всматриваюсь в слабо освещенный зал. Постепенно мое зрение привыкает к этому свету, и я начал отчётливо различать предметы.

– А туда ли я попал? Может это и не вокзал? Может, это и было когда-то вокзалом, раньше, давным-давно, – подумал я про себя.

Серые, толстые, потрескавшиеся колонны массивно стояли в самом центре по кругу, словно в заброшенном древнегреческом культовом храме или жреческом капище. Не хватает только статуй богов, горящих факелов, дымящихся курильниц и молчаливого седовласого оракула, с посохом, в белой тунике и с лавровым венком на голове.

Между колоннами, тоже по кругу расположены старые, серые, с облезлой коричневой краской, широкие деревянные лавочки со спинками. В самом центре зала виднеется невысокий фонтанчик на невысоком постаменте.

На потолке, на почерневшем от мух проводе, висит одна единственная грязная лампочка. Она тускло светит, отбрасывая причудливые длинные тени и узоры на пол и на старые стены.

– Высоко висит, без длинной лестницы её не достать. Зачем так высоко висит-то, кто и как её меняет? – подумал я.

В этом невзрачном помещении все же находились люди, их было много. Эти люди занимали все лавочки. А некоторые граждане вполне комфортно устроились у стен на расстеленных старых одеждах, матрацах, телогрейках, картонках и даже на желтых соломенных ковриках.

Я про себя заметил, что эти люди были очень разные, но всех их что-то одно объединяло. Это было заметно с первого взгляда. Их не радостные лица, не ухоженные волосы, изношенная одежда и застывшие позы, говорили об одном – это совсем не Лас-Вегас.

Кто-то в сером, бесформенном, дырявом, испачканном плаще, обвисших спортивныхках и в кедах без шнурков, на босу ногу, просто уныло стоит, плечом прислонившись к холодной стенке. Интересно, кто кого держит?

Кто-то, одиноко, насупившись, сидит на скамейке, всунувшись с головой в воротник курточки, скрестивший руки на груди, он, то ли уже уснул, или ещё дремлет.

Кто-то, там же на лавочке, просто лежит и периодически с интервалом встаёт посидеть и сменить позу.

Кто-то, там же крепко спит и тихонько храпит, присвистывая, свесив одну руку прямо на грязный пол.

Кто-то, в черном, бесформенном, вязаном с дырочками свитере аппетитно ест нечто. Оно большое, завернутое в газету и странно пахнущее на весь зал вызывает не скрываемый интерес у худошавого соседа, сидящего, напротив. Скорее всего, это хлеб, сало с чесноком, луком и чем-то зеленым. И все это оформлено в виде огромного бутерброда, откусывать который можно только имея очень большой рот. Сосед периодически облизывает губы, не сводит глаз с аппетитно чавкающего чужого рта, пытается не смотреть, но не может. Слишком аппетитное зрелище. Ему очень есть хочется – это видно сразу. Жаль, но у него сейчас нет еды. У меня в прочем, тоже.

А какой-то мужчина в черном пиджаке на голое тело, крепко обняв потрепанный, красный, в большую клеточку чемодан, заморожено смотрит стеклянным взором в одну точку на полу, словно находится под гипнозом. Он, то ли спит с открытыми глазами, то ли уверенно и профессионально медитирует.

И не трудно угадать, что все они уже никого или ничего не ждут в этом месте. Они уже дождались своего и их поезд уже давно на запасном пути. Эти люди тут проводят свое земное время. А некоторых товарищей, по их интересному внешнему виду, просто невозможно определить их пол и возраст. В этом месте всё как-то странно и так всё запутано, словно в каком-то не ведомом вокзальном зазеркалье. Я вспомнил вдруг Льюиса Кэрролла и его Алису почему-то.

– Точно, время остановилось, – снова подумал я.

Все вокруг было серое, мрачное, невзрачное, унылое и местами печальное. Холодные стены с отпавшей краской, темный грязный щербатый и в пятнах деревянный пол, высокий облупившийся потолок, и чёрные трещины на колонах толщиной в палец.

В одном из окон я увидел всё ту же большую желтую Луну. Она, молча, пристально наблюдала за обитателями этой кирпичной обители, словно немой и угрюмый тюремный надзиратель.

На жутком полу были хаотично разбросаны цветные фантики, блестящая фольга, валяются сотни обгорелых спичек, старые скомканные газеты, белые птичьи перья, сухие листья, огрызки, яичная скорлупа и отпавшие кусочки белой штукатурки и даже пару кладбищенских венков с черными широкими лентами. Всё это грязное убранство и застоявшийся воздух представляло собой мрачную и жуткую картину. И если бы, вдруг, появилось белое прозрачное приведение и проплыло бы по залу, то я бы точно не удивился – такая тут была жуткая атмосфера. А в ближайшем от входа углу, на старой, серой шинели ютились две тощие, рыжие собаки. Это тоже местные. Рядом с ними стоит гнутая алюминиевая кастрюлька, валяются клоки шерсти и несколько белых косточек. Наверное, некоторые люди здесь постоянно живут, если не все. Они тут спят как-то, едят что-то, общаются о чем-то и проводят все свое время на этих лавочках. Некоторым товарищам, судя по их внешнему виду тут вполне комфортно.

Вдруг, резко и очень громко, за моей спиной сама закрылась тяжёлая входная дверь. Я весь вздрогнул от неожиданности. От этого стука раздалось звонкое эхо на весь зал, словно гром среди ясного неба. Бух! Даже столетняя пыль слетела со стенки и стала медленно парить в воздухе. От звука, казалось, содрогнулись и сами стены, не весть откуда слетели три перепуганных голубя и сделав два круга по залу, снова исчезли в темных стенах под потолком, роняя на пол свои перья.

Несколько человек проснулись и резко по-солдатски вскочили, словно по команде «тревога». Некоторые очнулись от дремоты и тоже привычно и быстро приподнялись и сели, как суслики в бескрайней монгольской степи, широко открыв свои глаза, рот и поджав руки в локтях. Некоторые люди, лежащие, словно тюлени в полный рост на лавочке просто инстинктивно, по животному вяло зашевелились, услышав громкий звук. Даже две собаки, и те вскочили, встряхнулись, подняли головы и молча, посмотрели на меня грустными голодными глазами. По залу стал слышен нарастающий, многоголосый шепот: Шу-шу-шу, пс-с-с-с, чи-чи-чи. Мама моя! Куда я попал? Мне показалось, что шептались не только эти странные люди, но и стены и колоны, и эти старые лавочки.

В воздухе вдруг пронесся легкий прохладный ветерок. Я, медленно и тихо ступая, стал обходить этот зал по периметру вдоль правой стены, в надежде обнаружить окно кассы. Мне нужно купить билет, именно за этим я сюда и приехал. Моё перемещение по залу вызвало явный не скрываемый интерес у всех не спящих местных обитателей. Ведь все они почти не двигались, стояли, сидели, лежали, но не ходили, не передвигались.

Я почувствовал на себе острые, многочисленные пристальные взгляды. Эти люди удивленно смотрели на меня, словно на второе пришествие Христа. В их взглядах читались конкретные, но немые вопросы:

Кто ты такой? Зачем ты пришел сюда? И вообще, что тебе тут собственно нужно, на нашей территории в такой поздний час?

Своим плавным перемещением в этом замкнутом пространстве я точно, но невольно потревожил их обычный уклад в этом маленьком, чужом и непонятном для меня мире. В мире, где наверняка были свои простые правила и своя жизнь и своё не хитрое расписание движения тел в пространстве. Было действительно жутко от того, что на меня смотрят незнакомые,

странно одетые и подозрительные люди, и я не знаю, или могу только догадываться, что у них на уме.

Я медленно шел вдоль шершавой, запыленной стены, периодически дотрагиваясь до неё, присматриваясь и выискивая то желанное окошко кассы. Но желанного окошка всё не было. Очень подозрительно. Вокзал с часами есть, лавочки и ступеньки есть, рельсы тоже есть, видел, а кассы нет. Не было ни окна кассы, ни расписание движения поездов на стенах, ни различных информационных указателей, как это обычно принято на вокзалах, на современных, нормальных вокзалах.

Зато, рядом с входной дверью, висел большой цветной плакат. Он был смачно вбит длинными гвоздями и толстыми шурупами прямо в кирпичную кладку. Умело, ничего не скажешь. Его края и уголки были обтрёпанны. На нем симпатичный, молодой мужчина с гусарскими усами, в черной шляпе с полями, в черной рубашке и с гитарой. Очень знакомое лицо. В самом низу плаката четыре простые небольшие цифры: 1982, ниже все было не аккуратно оборвано.

Вдруг, впереди, в нескольких шагах от меня, на стенке, вдоль которой я шел, словно в сказке, открылся не большой квадрат, вернее окно, в незаметной узкой рамке. В нем затеплился не яркий свет.

– Вполне возможно, что это и есть билетная касса, – подумал я.

Подхожу вплотную, прямо к окошку. Вижу через добротную металлическую решетку на окне крохотную комнатусечку.

Внутри этой комнатусечки, лицом в зал, сидит женщина.

Да женщина, ни призрак, ни тень, ни фантом, ни видение, ни памятник. Именно женщина, живая. Как мне показалось, нормальная женщина, в обыкновенной форме железнодорожника, с приличной грудью, с нормальным целым лицом и в чистой форме. Она сидит и практически не двигается, словно замерла или глубоко задумалась. Сидит за не большим столиком с потрескавшимся лаком.

Ей за пятьдесят. Она по-деловому расположилась на деревянном стуле с высокой спинкой. На её большой голове под синей пилоткой бесформенные тёмные кудри с проседью. На больших глазах старенькие очки на резиночке вокруг головы. Мне стало как-то смешно, такие уборы сейчас не носят. Белая рубашка с синим галстуком, сверху пиджак с погонями и блестящими золотом пуговицами, значок на груди удачно гармонировали с её круглым, серьезным, недвижимым лицом.

На столе, перед ней расстелена большая газета «Правда», на ней стоит блюдце, рядом с напечатанным на всю полосу портретом советского космонавта Юрия Гагарина. Это лицо узнаваемо и знакомо любому.

На блюдце лежат кусок черного ржаного хлеба, три кубика сахара, тонкая сосиска, белое почищенное яйцо и стоит стакан в подстаканнике, полон чая почти доверху. Чай дымит. На газете крошек нет, пятен тоже нет, всё чисто.

Рядом лежит старый засаленный, вырванный откуда-то большой листок с кроссвордом и ручка, обмотанная посередине пластырем. В литровой банке стоит толстая желтая свечка. Рядом стоит старая, с ободранной зеленой краской настольная лампа. Она-то и освещала эту комнатусечку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.